

УДК 330
JEL N

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.25

Научная статья

Е. А. Орлянский¹

✉ orlyanskyea@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Христианская хозяйственная этика как способ сокращения рисков в экономике

Аннотация: Проблема рисков всегда вызывала интерес экономистов в связи с тем ущербом, который они наносят хозяйственной деятельности. Однако большинство господствующих экономических теорий относятся к рискам как к естественному и неизбежному элементу рыночной экономики. В статье, с опорой на подход неоинституциональной теории, будут показаны возможности христианской хозяйственной этики, как неформального института, в плане нивелирования рисков и порождающей их неопределенности в рыночной экономике. Представители традиционных экономических теорий относятся к рискам как имманентному признаку рыночной экономики, который является закономерным следствием неопределенности хозяйственной деятельности. Более продуктивным является подход неоинституциональной теории, которая построена вокруг категории «института» и направлена на максимальное нивелирование риска и неопределенности как его причины. Среди неформальных институтов выделяется хозяйственная этика как институт с наибольшими возможностями нивелирования риска. Наиболее сильным вариантом хозяйственной этики является религиозная хозяйственная этика, которая обладает мощным духовным фундаментом. Этизация экономики с религиозных позиций меняет мотивацию, прежде всего, предпринимателей, что создает инструмент воздействия на чисто экономические источники неопределенности и рисков – на волатильность рыночной конъюнктуры и т. п.

Ключевые слова: риски, неопределенность в экономике, рыночная конъюнктура, предпринимательство, хозяйственная этика.

Дата поступления статьи: 25 апреля 2023 г.

Для цитирования: Орлянский Е. А. (2023) Христианская хозяйственная этика как способ сокращения рисков в экономике. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 3, с. 233–241. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.25.

Scientific article

Е. А. Orlyansky¹

✉ orlyanskyea@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Christian economic ethics as a way to reduce risks in the economy

Abstract: The problem of risks has always aroused the interest of economists in connection with the damage those hazards can cause to economic activity. However, most mainstream economic theories treat risk as a natural and inevitable element of a market economy. It seems that this approach is not productive. This article, based on the approach of neo-institutional theory, will show the possibilities of Christian economic ethics, as an informal institution, in terms of leveling risks and the uncertainty that generates them in a market economy. Representatives of traditional economic theories refer to risks as an immanent feature of a market economy, which is a natural consequence of the uncertainty of economic activity. The more productive approach is the neo-institutional theory, which is built around the category of “institution” and is aimed at the maximum leveling of risk and uncertainty being its causes. Formal and informal institutions should contribute to this. Among informal institutions, economic ethics stands out as an institution with the greatest opportunities for risk leveling. The strongest variant of economic ethics is religious economic ethics. Religious economic ethics has a powerful spiritual foundation. The ethization of the economy from religious positions changes the motivation, first of all, of entrepreneurs, and it creates a tool to influence purely economic sources of uncertainty and risks i.e. market volatility, etc.

© Е. А. Орлянский, 2023

Keywords: risks, uncertainty in the economy, market conditions, entrepreneurship, business ethics.

Paper submitted: April 23, 2023.

For citation: Orlyansky E. A. (2023) Christian economic ethics as a way to reduce risks in the economy. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 3, pp. 233–241. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.25.

Введение

Проблема и цель. Все субъекты рыночной экономики – от индивидуального потребителя и фирмы до государства – функционируют в условиях риска. В господствующей линии экономической теории (так называемый мейнстрим экономической науки, включающий в себя классическую теорию, маржинализм, неоклассическую теорию, новую классическую теорию и отчасти кейнсианство) риски рассматриваются как неотъемлемый элемент рыночных отношений. Обосновывается это тем, что неопределенность результатов экономической деятельности основывается на волатильности рыночных процессов, которая, в свою очередь, базируется на динамизме рыночной конъюнктуры в условиях циклического характера хозяйственных процессов. В первую очередь это связано с нестабильным характером совокупного спроса. Цикличность начинает господствовать в рыночной экономике примерно с рубежа XVI–XVII века, когда широкое распространение получают кредитные отношения, начинающие принимать массовый характер. Именно тогда был снят монетарный ограничитель, который страховал возможные нарушения стабильности потребительских стандартов основной массы населения. Позже эта тенденция получила развитие, особенно в связи с дифференциацией потребительских предпочтений и распространения маркетинговых технологий, которые с определенного момента ориентируются не только на выяснение реальных предпочтений покупателей, но и на их формирование в интересах производителей и продавцов.

В этих условиях тематика рисков не могла не приобрести повышенную актуальность и интерес со стороны экономистов. С другой стороны, добавляется проблема частичной утраты ценami роли носителя объективной информации о рыночной конъюнктуре. В традиционной рыночной экономике цены определялись в основном затратами и представлениями о справедливой прибыли, обладали достаточной устойчивостью и не являлись значительным фактором риска. На начальных этапах современной рыночной экономики цены обретают волатильность, но их колебания отражают реальные колебания конъюнктуры с высокой долей объективности, так как в системе совершенной конкуренции влияние субъектов рынка на цены вопреки конъюнктуре практически исключено. Конечно, даже конъюнктурная волатильность уже делает ценовой риск реальным. Но одновременно она позволяет рассматривать цены как объективный источник информации для мер по нейтрализации риска. Характерно, что теория риска, хоть и была частью классической теории, но отношение к риску в ней было в целом положительным (Бернстайн, 2000). Считалось, что риск неизбежен со стороны, прежде всего, собственников такого производственного ресурса, как капитал (Костина, 2010). Утверждалось, что прибыль, как факторный доход с капитала, отчасти можно рассматривать как вознаграждение за риск, подобно тому, как Н. Сениор считал ту же прибыль вознаграждением собственника капитала за отказ («воздержание» в его терминологии) от потребления в интересах реинвестиционного использования (Poncet, Portait, 2022).

При несовершенной конкуренции к факторам цены добавляется возможность продавца влиять на цены вопреки объективной конъюнктуре. Информационная функция цены частично утрачивается, что усиливает проблему риска. Характерно, что параллельно этому и отношение к риску теории менялось. И мы можем видеть это на примере уже неоклассической теории риска. Там при рассмотрении дихотомий «риск-стабильность» и «риск-доходность» смещается представление о рациональном выборе между этими альтернативами. В неоклассической парадигме, в частности, предлагается соответствующий выбор между вариантами отклонения от ожидаемого запланированного результата. Предпочтительным выбором выставляется вариант, где отклонения (в сторону как отрицательного риска, так и положительного) такой разброс минимален.

Это означает предпочтение того варианта, где вероятность пониженного дохода сочетается с пониженным риском, и меньшая прибыль, например, считается приемлемой ценой за стабильность. Это означает, что уже в неоклассической парадигме зарождается идея внутрифирменных мер по нивелированию риска (Petri, 2023; Беляев, 2008).

Методы

При анализе влияния хозяйственной этики на риск необходимо применять метод системного анализа. В контексте данной тематики это важно потому, что экономика, сама являясь системой, функционирует как элемент системы социума. Более того, функционирует относительно социума как системообразующий элемент, обслуживая его как систему более высокого порядка. Кроме того, экономика является открытой системой, обладающей разнообразными прямыми и обратными взаимосвязями. Особенный акцент надо сделать еще и на то, что для экономики важно такое системное свойство, как способность поддерживать равновесие (как наилучшее состояние системы). В этом смысле системе жизненно необходима коммуникация с внешней средой в плане обратных взаимосвязей, которые помогали бы инкорпорировать элементы, которые могут частично подавлять причины отклонения от равновесия (например, причины рисков). В данном случае речь идет о хозяйственной этике, которая базируется на неэкономической основе (в данном случае на религиозной основе). Что касается методологии различных направлений, то речь идет о выходе за пределы рамок мейнстрима экономической теории, который склонен рассматривать экономику как закрытую систему, подверженную влиянию только собственных закономерностей. В этом плане более продуктивной представляется методология неинституционализма, которая не отказывается от признания влияния на экономику обратных связей с внешней средой (как, например, неформальные нормы, к которым относится хозяйственная этика).

Результаты

Неинституциональная теория в отношении к риску идет гораздо дальше неоклассического подхода. Именно ее представители констатировали, что современная стадия рыночной экономики (в отличие от экономики начальных стадий) уже не содержит в себе механизм абсолютно гибких цен, которые несут в себе абсолютно объективную информацию о рыночной конъюнктуре. И в этих условиях хозяйственные субъекты не могут осуществлять абсолютно рациональное поведение.

И вообще, неинституционализм сам по себе направлен фактически на борьбу с риском и факторами, его создающими. Об этом говорит и центральная категория, вокруг которой создается вся теория (Argandoña, 2004).

Центральная категория неинституционалистов, «институт», по сути, призвана обозначать механизм борьбы с рисками. Ведь институтом они считают любую норму, которая предписывает субъекту вполне определенный, однозначный вариант действий хозяйственного субъекта в конкретной ситуации. Это, конечно, снижает неопределенность, асимметрию информации и риск как таковой. В первую очередь такими институтами являются формальные нормы, под которыми понимаются юридические акты, утвержденные авторитетом государства. К формальным институтам относятся все законы и подзаконные акты, принятые в обществе в процессе законодательной деятельности. Формальные институты, как видно из определения, защищаются таким коллективным субъектом, как государство. В демократическом обществе формальные институты защищаются также структурами гражданского общества.

Способ действия, предписанный юридическим актом, полностью снимает проблему неопределенности и необходимости искать информацию для принятия решения из нескольких альтернатив. В данном случае предписан однозначный способ действий (платить налоги, соблюдать стандарты качества товара, выполнять условия контракта и т. п.). Нужно только выдерживать принцип, согласно которому трансакционные издержки от невыполнения формальных норм были бы больше, чем выгоды от нарушения таковых.

Не менее важны и неформальные институты, т. е. правила и нормы поведения, не закрепленные в юридически оформленных государственных актах. К неформальным институтам относятся обычаи, традиции, нормы морали и этики, религиозные положения и т. п. Неформальные институты не защищаются структурами государства или гражданского общества. Неформальные институты защищаются силой общественного мнения. Как известно из истории человечества, зачастую сила неформального общественного мнения оказывается более влиятельной, чем сила, например, государственного принуждения.

Таким образом, система институтов (формальных и неформальных) с точки зрения неинституциональной теории пронизывает все общество, обеспечивая его функционирование, компенсируя те естественные недостатки, которые выявили критики теории «мейнстрима» (в том числе и представители самого неинституционализма).

В экономике, как части общества, также функционируют институты. В первую очередь это формальные институты, относящиеся к области экономического законодательства. Важное место занимают и нормы гражданского права и социального законодательства. Резкий рост роли и значения формальных институтов в современной рыночной экономике зафиксирован в середине XX века. Это связано с увеличением степени государственного регулирования после Великой депрессии 30-х годов. Тогда, с антикризисными целями, государство стало регламентировать гораздо больше хозяйственных процессов, чем ранее. Экономическое законодательство в силу этого расширилось и усложнилось. Это привело еще и к тому, например, что вырос спрос на услуги юристов со стороны частного бизнеса.

Тем не менее в экономике есть место и для неформальных институтов. В эпоху традиционной рыночной экономики очень многие хозяйственные процессы регулировались неформальными институтами, такими как обычаи и традиции (например, запреты процентных отношений, агрессивной рекламы и конкуренции в христианских странах в Средние века держались за счет силы общественного мнения и не были закреплены формальными нормами). В современной экономике неформальные институты тоже имеют немаловажное значение. Например, для хозяйственных субъектов важнейшее значение имеет такой элемент общественного мнения, как деловая репутация, от которой зависят перспективы заключения контрактов. В свою очередь, хозяйственные субъекты сами могут формировать свою деловую репутацию, например, через высокую склонность к исполнению своих договорных обязательств перед партнерами.

В плане снижения угрозы рисков хозяйственной деятельности тематика неинституционализма представляется весьма перспективной. С одной стороны, это развитие института хозяйственного права. Здесь важно соблюдать комплексный подход к развитию самих формальных норм и системы их реализации. Потому что плохая реализация юридических актов нивелирует эффективность самих этих актов. Здесь важно и создание правовой культуры населения, чтобы уважение к законам стало частью национального менталитета. Не менее важно и формирование новых или развитие существующих неформальных норм, которые делают хозяйственную жизнь предсказуемой, снижают неопределенность и частично снимают проблему риска.

Неформальные институты не создаются простым решением. В идеале при их создании необходима опора на прошлый опыт. Кроме того, эффективный неформальный институт должен опираться на какой-либо серьезный авторитет. Это необходимо для того, чтобы этот неформальный институт был защищен силой общественного мнения, которая, как уже было сказано, иногда сильнее формальной системы защиты юридических актов.

Исторический опыт показывает, что весьма эффективным неформальным институтом является хозяйственная этика. Общеизвестно, что традиции и обычаи довольно успешно обеспечивали течение хозяйственной жизни, например, в средневековую эпоху. При этом неформальная хозяйственная этика зачастую компенсировала отсутствие формальных институтов (как это было с отторжением общественным мнением конкуренции, агрессивной рекламы и использования процента в хозяйственных операциях). Деэтизация экономических отношений началась параллельно с секуляризацией общества и достигла серьезных масштабов к XIX веку.

Даже представители «мейнстрима» неоднозначно оценивали эту деэтизацию. Уже в XX веке некоторые экономисты из этого лагеря высказывались критически об этом процессе, видя в нем причины многих экономических проблем. Они тоже оценили снятие прежде всего моральных ограничителей со стремления хозяйственных субъектов (как производителей, так и потребителей) добиться своих рациональных целей (максимизации прибыли в производстве и сбыте, максимизации полезности в потреблении). В этом видят одну из причин неустойчивости современной рыночной экономики, которая проявляется и во все более разрушительных последствиях циклических кризисов (как, например, в Великой депрессии или энергетическом кризисе), и в социально-политических проблемах, порождаемых экономическими кризисами, и в экологических потрясениях, и во многом другом. Иногда даже появляются мнения о том, что деэтизация отрицательно сказывается даже на чисто экономических показателях микроуровня (De George, 1987, p. 201).

Реэтизация хозяйственной жизни может развиваться по разным парадигмам. Одной из таких парадигм является распространение хозяйственной этики секулярного типа (Dion, Pava, 2023, Johnson, Smith, 1999). Такая этика ориентирует участников рыночных отношений на неформальную поддержку формальных институтов ради них самих. Внушается идея о важности соблюдения действующего экономического законодательства. Существует даже подход, ярче всего выражаемый Э. де Сото, согласно которому правовая база является главным условием успешного инвестирования (де Сото, 2004). Более радикальным видится призыв отказаться от оппортунистических действий при формальном невыходе за пределы законодательства. Пропагандируется отказ от поиска лазеек в законах, которые могли бы способствовать реализации рациональных устремлений, не угрожая переходом под санкции за нарушения формальных норм. Ну и наконец, в рамках этой парадигмы есть направления, которые апеллируют к хозяйственной этике с экологической аргументацией и т. п. (Lagoarde-Segot, 2023).

Вышеописанная парадигма широко распространилась в прошлом столетии (Матвиенко, 2012). На данный момент можно сказать, что ее стабилизационный потенциал в значительной степени исчерпан. Достаточно глубокий циклический кризис 2008-2009 гг. показал, что значительной стабилизации рыночной системы до сих пор нет (Aliber, Zoega, 2019). Уязвимость современной экономики перед неопределенностью и рисками показали и последствия пандемии коронавируса (Byttebier, 2022). Нынешние тенденции цифровизации экономики и развития эксплуатации искусственного интеллекта, несущие непредсказуемые последствия, только подтверждают этот вывод. Думается, что апелляция к необходимости соблюдать формальные нормы и другая секулярная гуманистическая аргументация не имели под собой достаточно авторитетного духовного фундамента, что хозяйственная этика смогла бы реально скорректировать сущность рыночной экономики в сторону радикального снижения неопределенности и порождаемых ею рисков.

Переосмысление исторического опыта развития хозяйственной этики неизбежно приводит к выводу, что на сегодняшний день единственным духовным фундаментом, способным реально усилить хозяйственную этику, может быть только религиозный фундамент.

Стоит отметить, что в истории экономической теории уже был прецедент рассмотрения влияния религиозного фактора на экономику. Это произошло в рамках третьего этапа исторической школы. Так, широко известна знаменитая позиция Макса Вебера, который выводил генезис современной рыночной экономики из хозяйственной этики отдельных протестантских деноминаций (Рахманов, 2009, с. 184). С другой стороны, второй представитель этого третьего этапа, Вернер Зомбарт, как раз противопоставлял христианскую хозяйственную этику (и протестантскую также) и рациональное экономическое поведение (Зомбарт, 2004).

Религиозная этизация хозяйственной жизни может реально противопоставить приоритетам рациональности, которые несут угрозы нестабильности, приоритеты иного рода, которые могут внести решающий элемент стабильности в хозяйственную жизнь. Эти приоритеты основаны на примате общественного служения, который опирается на тысячелетнюю историю развития религиозной морали (например, христианской), устоявшей, несмотря на мощнейшие процессы

материальной и духовной секуляризации последних столетий. Религиозная хозяйственная этика имеет и значительный исторический опыт (Рахманов, 2009; Jones, 1997).

При этом очень важно отметить характерную особенность христианской (да и не только христианской) хозяйственной этики, которая заключается в том, что она отнюдь не отрицает необходимость использования важнейших элементов рыночной экономики на практике (Borowski, 2019). Тем самым нивелируется довод сторонников «экономизма» (идеологии рассмотрения экономики как замкнутой системы, развивающейся исключительно по своим внутренним закономерностям и свободной от влияния неэкономических факторов) о том, что этизация хозяйственной жизни отрицательно сказывается на ее эффективности. Широкое использование известных нам методов экономической деятельности в обществах, регулируемых религиозной этикой как неформальной нормой, подтверждается анализом древних текстов из сферы богословия, права и философии. В частности, это подтверждается анализом библейских текстов и особенно Христовых Притч (большинство из которых содержит экономические примеры). Наличие рыночной экономики никогда не осуждалось в христианстве. Критика присутствует исключительно в контексте неверного использования этих инструментов и неправильной расстановки приоритетов в плане отношения к ним человека. Так, например, трактуется в христианстве собственность и богатство (Borowski, 2019).

Ценность религиозной хозяйственной этики как инструмента стабилизации в первую очередь заключается в трактовке мотивации хозяйственной деятельности. Анализ библейских текстов позволяет выявить виды этой мотивации, выстроить их в систему и классифицировать по иерархическому критерию.

На высшем иерархическом уровне будет располагаться духовная мотивация. Экономическая деятельность (особенно предпринимательская) рассматривается прежде всего как общественное служение, призванное организовать взаимодействие производственных ресурсов для того, чтобы обеспечить материальную основу функционирования общества (кстати, именно так рассматривали роль экономики в обществе античные философы, например, Аристотель с его дихотомией экономики и хрематистики). Так реализуется христианский призыв к служению ближнему. Предпринимательство ориентируется, например, на помощь наемному работнику в раскрытии и реализации его талантов, дарованных ему Богом. Ведь и теории «мейнстрима» постулируют, что только через предпринимательскую деятельность собственников капитала обеспечивается получение доходов собственниками других факторов производства. В этом плане такое отношение к экономике освящается библейским тезисом о необходимости подражания служению людям самого Бога.

Только после духовной мотивации следует чисто экономическая мотивация, которая ориентирует участников хозяйственной деятельности на достижение положительного результата. В экономических терминах это означает ориентацию на достижение рентабельности производства, которая обеспечивает предпринимателя заслуженным доходом за следование духовной мотивации (точно так же, как получают заработную плату и ренту собственники труда и земли). Кроме того, эта рентабельность закладывает материальную основу для воспроизводственного процесса фирмы, который закладывает условия непрерывного поддержания материальной основы функционирования общества. Библейским обоснованием экономической мотивации может выступать, например, Притча о талантах.

Таким образом, эти два вида мотивации занимают верхний уровень в системе христианской хозяйственной этики. В отличие от системы «экономизма», эти две мотивации меняются местами в иерархии. Это ограничивает все те элементы экономической мотивации, которые могли бы стать стимуляторами неопределенности и риска. Ведь в христианской этической парадигме это означало бы, что предприниматель подвергал бы риску не только себя, но и своих поставщиков ресурсов (в том числе и наемных работников) и потребителей. Это вступало бы в противоречие с духовной мотивацией и не позволило бы ему осуществлять предписанное служение ближнему.

Остальные виды мотивации уже напрямую могут работать на стабилизацию экономических процессов и – автоматически – на нивелирование неопределенности и рисков.

На первом месте в этом мотивационном блоке будет профессиональная мотивация. Согласно ей, предприниматель рассматривает свою профессиональную сферу деятельности не только как место для реализации своих рациональных целей, но и как сферу реализации тех талантов, которые ему также даны свыше. В этом смысле очень образно описал отношение предпринимателя к своей деятельности В. Зомбарт, сравнив его с отношением художника к своему искусству (Зомбарт, 2004, с. 20-21). Это уже вступает в полное противоречие с тезисом «экономизма», согласно которому уровень рентабельности гораздо важнее конкретного вида предпринимательской деятельности. Этот тезис оправдывает хаотическое блуждание инвестиционных финансовых ресурсов вслед за колебаниями волатильной конъюнктуры рынка, что по принципу кумулятивного процесса усиливает эту волатильность, стимулируя неопределенность и риск. Христианский же предприниматель будет делать все, чтобы сохранить функционирование своего предприятия на определенном уровне. Это, безусловно, сделает его инвестиционную активность более умеренной, что, в свою очередь, сгладит колебания конъюнктуры. Инвестирование в отрасли, переживающие конъюнктурный подъем, будет носить характер страховочной диверсификации и не более того. В макроэкономическом масштабе (если такая хозяйственная этика будет доминирующей) все это способно предотвратить надувание конъюнктурных пузырей, которые неизбежно лопнут и спровоцируют очередную рецессию (причем, как показывает опыт кризисов XX-XXI веков, чем больше будет избыточное инвестирование, тем глубже будет неизбежный спад). Получается, что такое «иррациональное» инвестиционное поведение (по мнению сторонников «мейнстрима» и «экономизма») позволит добиться чисто макроэкономического положительного результата в виде превентивного антициклического эффекта. Напомним при этом, что такая превентивность является пока недостижимой для государственного антикризисного регулирования, которое максимум способно реагировать на кризисы постфактум.

В такой системе находится место и для патриотической мотивации. Поскольку земное отечество и национальная принадлежность также даны человеку свыше, то субъект предпринимательской деятельности вполне может быть адекватным патриотом своей страны. Опять же в своей инвестиционной деятельности он будет руководствоваться интересами национальной экономики, воспринимая это тоже как вариант служения ближнему. Это может выражаться в инвестировании в приоритетные сектора экономики (прежде всего связанные с долгосрочной реализацией достижений НТП), несмотря на проблемные перспективы рентабельности. Помимо способствования укреплению позиций страны на мировых рынках высоких технологий, это также ведет к сглаживанию колебаний макроэкономической конъюнктуры внутри страны за счет отвлечения части инвестиционных ресурсов от рынков с краткосрочным конъюнктурным подъемом. Ну и, во-вторых, патриотическая мотивация заставит бережно и рачительно относиться к невозпроизводимым фиксированным ресурсам, данным этой стране также свыше, что может проявиться, например, в применении ресурсосберегающих технологий, жертвуя текущей прибылью, так как такие технологии могут не окупаться в краткосрочном периоде. Кроме того, это может внести вклад в избежание удорожания таких ресурсов и развития инфляции издержек. Ну и естественно, патриотическая мотивация будет способствовать заботе о трудовом ресурсе, который используется на предприятии, что выразится в выплате адекватной заработной платы и поддержании достойных условий труда. Это поможет снизить напряженность социальных отношений, которая тоже способствует нестабильности в экономике.

И наконец, большую роль в укреплении экономической стабильности играет социальная мотивация. Для христианского предпринимательства эта мотивация прежде всего является стимулом к благотворительной деятельности. Здесь нельзя не согласиться с И. Ильиным, который критиковал попытки левых радикалов использовать христианство в своих политических целях. Он утверждал, что библейское требование отринуть богатство относится только к субъектам непосредственной проповеднической деятельности. Для остальной паствы это ограничивается бла-

готовительностью (Ильин, 2006, с. 489). Очевидно, что благотворительная деятельность также укрепляет социальную стабильность в обществе. Кроме того, социальная мотивация ориентирует на инвестирование в социально значимые сектора экономики. Это может касаться экономически уязвимых секторов, таких как сельское хозяйство, что приводит к выравниванию уровней экономического развития разных отраслей. Ну и естественно, речь может идти и о помощи секторам образования и медицины, что положительно скажется на перспективном количестве и качестве трудовых ресурсов.

Выводы

В итоге можно констатировать, что система религиозной (в данном случае христианской) хозяйственной этики имеет сильный стабилизирующий потенциал, ведущий к нивелированию неопределенности и рисков в рыночной экономике. Обычно этот потенциал сводят к чисто моральной стороне дела, когда нейтрализуются, например, негативные последствия, например, чрезмерного маркетингового влияния производителей на потребителей. Эти негативные последствия могут приводить к чисто социально-культурным издержкам (идеология потребительства, стимулирование ложных потребностей, влияние бизнеса на политику и т. п.). Однако даже один из ведущих теоретиков маркетинга Ф. Котлер признавал и наличие негативных экономических последствий в, например, инфляции издержек из-за повышенных затрат на маркетинговую деятельность (Котлер, 2007). Но христианская хозяйственная этика очевидно выходит за пределы этого. Иерархическая система мотивации, прежде всего христианских предпринимателей, имеет ярко выраженный антициклический потенциал, способный нивелировать неопределенность и риск.

Источники

- Беляев С. О. (2008) Классификация рисков: классический и неклассический подходы. *Философия права*, № 1, с. 125–129.
- Бернштейн П. (2000) *Против богов: Укрощение риска*. М., Олимп-Бизнес, 400 с.
- Зомбарт В. (2004) *Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь*. М., АЙРИС ПРЕСС, 624 с.
- Ильин И. А. (2006) Частная собственность. В кн.: *Русская экономика без глобализма*. М., Алгоритм, с. 485–490.
- Костина Н. В. (2012) Основные этапы развития теории риска. *Труды Псковского политехнического института*, № 14.2, с. 194–199.
- Котлер Ф. (2007) *Основы маркетинга*. М., Издательский дом «Вильямс», 656 с.
- Матвиенко Ю.И. (2012) Современные подходы к изучению риска. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, № 1-1, с. 165–173.
- Рахманов А. Б. (2009) «Хозяйственная этика мировых религий» Макса Вебера: субъективные и объективные предпосылки создания, анализ концепции. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, № 4, с. 184–199.
- Сото де Э. (2004) *Загадка капитала*. М., Олимпбизнес, 272 с.
- Aliber R. Z., Zoega G. (2019) The 2008 Global Financial Crisis in Retrospect. *Palgrave Macmillan*, 443 p.
- Argandoña A. (2004) Economic Ethics and Institutional Change. *Journal of Business Ethics*, no. 53, pp. 191–201. DOI: 10.1023/B:BUSI.0000039408.30285.6d.
- Borowski M. (2019) Economic ethics according to Luther: towards a dialogue between economics and theology. *International Review of Economics*, no. 66, pp. 265–276. DOI: 10.1007/s12232-018-0310-2.
- Byttebier C. (2022) *Covid-19 and Capitalism*. Springer, 1092 p.
- De George R. T. (1987) The Status of Business Ethics: Past and Future. *Journal of Business Ethics*, vol. 6, no. 3, pp. 201–211.
- Dion M., Pava M. (2023) *The Spirit of Conscious Capitalism*. Springer, 312 p.
- Ecological Money and Finance* (2023) Ed. Thomas Lagoarde-Segot. Palgrave Macmillan, 815 p.
- Johnson P., Smith K. (1999) Contextualizing Business Ethics: Anomie and Social Life. *Human Relations*, no. 52, pp. 1351–1375. DOI: 10.1023/A:1016968616094.
- Jones H. B. J. (1997) The Protestant Ethic: Weber's Model and the Empirical Literature. *Human Relations*, no. 50, pp. 757–778. DOI: 10.1023/A:1016960423653.
- Petri F. (2023) *Microeconomics for the Critical Mind*. Springer, 1395 p.
- Poncet R., Portait R. (2022) *Capital Market Finance*. Springer, 763 p.

References

- Aliber R. Z., Zoega G. (2019) The 2008 Global Financial Crisis in Retrospect. Palgrave Macmillan, 443 p.
- Argandoña A. (2004) Economic Ethics and Institutional Change. *Journal of Business Ethics*, no. 53, pp. 191–201. DOI: 10.1023/B:BUSI.0000039408.30285.6d.
- Belyaev S. O. (2008) Klassifikaciya riskov: klassicheskij i neklassicheskij podhody [Risk classification: classical and non-classical approaches]. *Philosophy of Law*, no. 1, pp. 125–129 (In Russian).
- Bernstein P. (2000) Protiv bogov: Ukroshchenie riska [Against the gods: The taming of risk]. Moscow, Olimp-Business Publ., 400 p. (In Russian).
- Borowski M. (2019) Economic ethics according to Luther: towards a dialogue between economics and theology. *International Review of Economics*, no. 66, pp. 265–276. DOI: 10.1007/s12232-018-0310-2.
- Byttebier C. (2022) Covid-19 and Capitalism. Springer, 1092 p.
- De George R. T. (1987) The Status of Business Ethics: Past and Future. *Journal of Business Ethics*, vol. 6, no. 3, pp. 201–211.
- De Soto H. (2004) Zagadka kapitala [The Mystery of Capital]. Moscow, Olymp-Business Publ., 272 p. (In Russian).
- Dion M., Pava M. (2023) The Spirit of Conscious Capitalism. Springer, 312 p.
- Ecological Money and Finance (2023) Ed. Thomas Lagoarde-Segot. Palgrave Macmillan, 815 p.
- Ilyin I. A. (2006) Chastnaya sobstvennost' [Private property]. In: *Russkaya ekonomika bez globalizma* [Russian economy without globalism]. Moscow, Algorithm Publ., pp. 485–490 (In Russian)
- Johnson P., Smith K. (1999) Contextualizing Business Ethics: Anomie and Social Life. *Human Relations*, no. 52, pp. 1351–1375. DOI: 10.1023/A:1016968616094.
- Jones H. B. J. (1997) The Protestant Ethic: Weber's Model and the Empirical Literature. *Human Relations*, no. 50, pp. 757–778. DOI: 10.1023/A:1016960423653.
- Kostina N. (2010) Osnovnye etapy razvitiya teorii riska [The main stages in the development of risk theory]. *Proceedings of the Pskov Polytechnic Institute*, no. 14.2, pp. 194–199 (In Russian).
- Kotler P. (2007) Osnovy marketinga [Fundamentals of marketing]. Moscow, Viljams Publ. House, 656 p. (In Russian).
- Matvienko Yu. I. (2012) Sovremennye podhody k izucheniyu riska [Modern approaches to the study of risk]. *Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences*, no. 1-1, pp. 165–173 (In Russian).
- Petri F. (2023) *Microeconomics for the Critical Mind*. Springer, 1395 p.
- Poncet R., Portait R. (2022) *Capital Market Finance*. Springer, 763 p.
- Rakhmanov A.B. (2009) "Hozyajstvennaya etika mirovyh religij" MaksaVebera: sub"ektivnye i ob"ektivnye predposylki sozdaniya, analiz koncepcii ["Economic ethics of world religions" by Max Weber: subjective and objective prerequisites for creation, analysis of the concept]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 4, pp. 184–199.
- Sombart W. (2004) Burzhua. Evrei i hozyajstvennaya zhizn [Bourgeois. Jews and economic life]. Moscow, IRISPRESS Publ., 624 p. (In Russian).

Информация об авторе

Орлянский Евгений Анатольевич

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.

ORCID ID: 0000-0002-7940-3958.

E-mail: orlyanskyea@mail.ru

Autor's information

Evgeny A. Orlyansky

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of Economics and Management Dept. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.

ORCID ID: 0000-0002-7940-3958.

E-mail: orlyanskyea@mail.ru